

АРТЕФАКТ

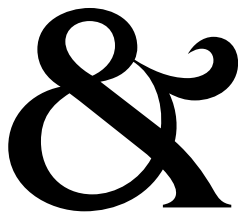

ДЕТЕКТИВ

**Читайте лучшие исторические
детективы Ларисы КАПЕЛЛЕ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Ключ к дверям рая
Философский камень Медичи
Священный Грааль Еретиков
Черная Королева тамплиеров
Скрижали бессмертных богов
Оракул Апокалипсиса

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Лариса КАПЕЛЛЕ

Оракул
Апокалипсиса

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К20

Оформление серии *С. Курбатова*

Капелле, Лариса.

К20 Оракул Апокалипсиса : [роман] / Лариса Капелле. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-84121-9

В конце первого тысячелетия католическая Европа замерла в ожидании предсказанного Апокалипсиса. Папа Сильвестр II, который был очень образованным человеком, показывал особо доверенным лицам Оракула — некую «Говорящую Голову». Никто точно не знает, что это было на самом деле... У прогрессивного папы было много врагов, обвинявших его в сговоре с дьяволом, поэтому нет ничего удивительного, что Сильвестр II досрочно покинул этот бранный мир. Вместе с ним исчез и загадочный терафим — Оракул... Ангелина Слепцова много денег тратила на благотворительность. Приехав на презентацию достижений одного из фондов, в который она вложила немалые средства, Ангелина ожидала увидеть все, что угодно, но никак не отрезанную голову профессора, задействованного в работе над созданием современного терафима. Вскоре был убит еще один из ученых, занятых в проекте, а на Ангелину было совершено покушение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Капелле Л., 2015

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84121-9

Глава 1

ГДЕ ЧЕЛОВЕК НЕ СМОЖЕТ, ТАМ И БОГ НЕ ПОМОЖЕТ

*Год 999 после Рождества Христова.
Священная Римская империя, Констанц*

День, обычный и серый, как и все предыдущие и все последующие дни Густавиуса, подходил к концу. Впрочем, Господа гневить ему было незачем. Брюхо не урчало от голода, и от холода спасала изрядно поношенная, но почти целая мантия из великолепной фламандской шерсти, да еще подбитая кроличьим мехом. Эта мантия ему досталась после смерти богатого торговца Вильфрида Кирстнера. Благочестивая и богобоязненная вдова Вильфрида Матильда пожертвовала одежду мужа церкви. А настоятель церкви Святой Берты отец Иероним, благоволивший Густавиусу, дал ему возможность выбрать первым. Жалко только, что ноги покойного были маленькими, от сапог пришлось отказаться. Но мантия была хорошей, очень хорошей. Еще ему досталась теплая меховая шапка. И со спины Густавиуса можно было принять за приличного горожанина. Правда,

только со спины. Стоило ему повернуться лицом, и любому было ясно, что перед ним — самый обыкновенный и заурядный бродяга. Был Густавиус без роду без племени. Да и имя было сложновато для такого нищего, как он. Всему виной предшественник отца Иеронима, отец Титус. Когда крестил ребенка бездомной бродяжки, решил приставить к обычному имени латинское окончание, для красоты и для просвещения. Хотя, кто его знает, может, поэтому и досталось бродяжке самое удобное для прошения милостыни место — церковная паперть, сидение на которой стало для Густавиуса чем-то вроде постоянной работы.

В свободное от прошения милостыни время Густавиус промышлял по мелочам. Брался за все. Особой брезгливости у него не было, да и откуда ей взяться? Это счастливые баловни судьбы, родившиеся в рубашке, спавшие в собственной постели у весело трещавшего очага, могли выбирать. Густавиус же подобной роскоши позволить себе не мог. Поэтому и согласился на работу, предложенную неким Бертольдом Вюртембергским. Кем был этот самый Бертольд, Густавиус толком не знал. Вроде бы имел какое-то отношение к церковному сословию, был чем-то вроде монаха-затворника, однако в монастыре не жил и от обычных священников предпочитал держаться в стороне. Зато частыми гостями его были епи-

скоп города Его Преосвященство Макариус, самые знатные горожане, и даже пару раз видели у него вчерашнего императорского наставника и сегодняшнего главу всех христиан папу Сильвестра II. Да и дом у монаха был странным. Снаружи — дом обычного богатого горожанина, и вход, как у всех, и общая зала со спальнями наверху, и кухня. Только погреб был удивительным. Огромный, с высокими потолками, он был весь заставлен странными сосудами, на столах лежали чудные инструменты, и в углах стояли диковинные машины.

Впрочем, кем был на самом деле Бертольд Вюртембергский, Густавиусу было все равно. Главное, что благодаря ему он мог плотно набить брюхо в соседней с церковью таверне, не забывая пару огромных кружек ароматного пива. Хотя, может быть, кому-то другому работенка показалась бы и страшной, но не Густавиусу. Всего-то ничего, ночью помочь Бертольду выкопать тело одного из только что похороненных таких же бездомных бродяг без роду и племени или закопанных за церковной оградой преступников. Под покровом ночи труп относили Бертольду, могилу закапывали, а на следующую ночь приносили обратно на кладбище и клали на место, и все шито-крыто.

Кроме того, помогало Густавиусу и то, что он обретался в крошечной сторожке, примыкавшей

к стене церковного кладбища. Так что к соседству отлучившихся на этом свете он привык с самого детства и нисколько не боялся. Это богобоязненные кумушки закатывали глаза и торопливо крестились, проходя мимо кладбища. Густавиус только саркастически улыбался. Если бы по-настоящему верили, то не боялись бы увидеть своего Господа. Он даже поделился своими сомнениями с отцом Иеронимом. Тот только усмехнулся:

— Ничего не поделаешь, люди слишком привязаны к земной жизни, к грешным радостям и своему телу, а смерть страшит, как и все неизвестное.

— Почему? — удивлялся Густавиус. — Вы ведь каждый раз говорите, что смерть — освобождение и искупление земных грехов, дорога в волшебные сады рая.

Густавиус вспомнил совершенно чудесную гравюру с изображением райского сада с удивительной красоты деревьями, огромными плодами и ярко светящим солнцем, которую показывал ему в детстве отец Титус.

Как ни странно, Иероним помрачнел и отвел взгляд в сторону, словно и сам сомневался в правдивости собственных слов.

— Молчите, святой отец?!

— Да, сын мой, ты задал очень непростой вопрос.

— Что же в нем сложного?

Только ответа на свой вопрос так и не получил. Хотя, по большому счету, ему было все равно. Своему жилищу он был рад. Для такого бездомного, как он, любое пристанище было за счастье. Была дверь, худо-бедно защищавшая от пронизывающего до костей северного ветра, были тюфяк, набитый прошлогодней соломой, и несколько старых шкур. Королевское ложе, которое, несмотря на свою скудость, защищало беднягу от холода. Был даже маленький очаг. Но разжигать его Густавиус позволял себе только в самые холодные дни. В обычные зимние ночи он не прикасался к драгоценному запасу хвороста и перепадавшим от Бертольда настоящим поленьям. Так что работа на странного монаха была для бродяги выгодной во всех отношениях. И выкапывание-закапывание трупов его нисколько не смущало. Мертвым было все равно. В этом Густавиус был совершенно уверен. И что такое угрызения совести, он не знал, как, впрочем, и что такое совесть. Совесть была слишком большой роскошью. Ему был известен страх возмездия и воздаяния за грехи, страх попасть после смерти на горячие сковородки ада. Но в глубине души он был уверен, что ад всем живущим уже хорошо известен, и он здесь, на земле. Но земная жизнь коротка, а перед смертью он не робел, хотя и не торопил костлявую старуху с остро отточенной

косой. Всегда успеется. Единственное, что страшило, — оказаться в этом аду навечно и никогда не увидеть волшебные сады рая.

Зимний сумрак опускался быстро, и скоро все накрыло черным покрывалом ночи. Густавиус в темноте ориентировался прекрасно и уже через пару минут был на северном, предназначенном для бедняков, краю кладбища. На этот раз Бертольд ждал его не один. С ним был какой-то высокий сухой мужчина, разговаривавший со странным акцентом. Бертольд коротко объявил нищему, что на этот раз никого выкапывать не придется, а надо будет только закопать поглубже вот это, и жестом указал на нечто, укрытое полотном. Густавиус послушно кивнул головой и принялся за работу. О том, что лежало на носилках, он предпочитал не думать, хотя впервые ему было не по себе, и вопрос, что было под темной тканью, не давал покоя. Внезапно огромный вынырнувший из-за облаков лунный диск осветил все вокруг безжизненно-белым светом. Налетел порыв пробирающего до самых костей северного ветра. Густавиус поправил пояс, придерживающий мантию. Но ветер не унимался. Стараясь защитить лицо, мужчина повернулся к ветру спиной. Полотно слетело с носилок, и под ним... И теперь уже не холод заставил Густавиуса задрожать, а леденящий, сковывающий по рукам и ногам ужас. Никогда в жизни ему не приходи-

лось видеть более страшного зрелища. Перед ним были выложены шесть скрючившихся высохших телец. Мертвецами были маленькие дети, даже скорее младенцы, но самое страшное... Бродяга не верил собственным глазам. Ни у одного из них не было... головы.

* * *

Ангелина Слепцова подставила солнцу лицо и улыбнулась собственным мыслям. Она сидела на террасе собственной парижской квартиры и наслаждалась жизнью. Этим утром у нее было особенно хорошее настроение. И вызвано оно было годовщиной знаменательного события, полностью изменившего Ангелинино существование. В жизни среднестатистических людей такими замечательными событиями обычно были свадьбы, рождение детей, карьерные взлеты и прочее. Жизнь же мадам Слепцовой стала праздником после случившегося год назад развода. И вопреки общепринятому отношению к подобным событиям Ангелина, в российском прошлом Лина, а в швейцарско-французском настоящем Анжи, рассматривала случившееся с точки зрения, может, и пронафталиненной, но удивительно точной народной мудрости: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Развод освещался целым рядом средств массовой дезинформации. Ангелина по совету адвоката

надевала черные очки. Они придавали ей слегка скорбный вид, но, самое главное, скрывали и от взгляда судьи, и широкой публики блестящие от удовольствия глаза. Потому что подобное выражение никак не вязалось с отважной битвой, которую вел ее единственный адвокат Феликс Штаубе против армии собственных братьев, нанятых экс-супругом Ангелины Юрием Слепцовым. Битву Феликса кто-то даже назвал битвой Давида против Голиафа. Хотя на самом деле хрупким и маленьким Давидом в данном случае была армия слепцовских адвокатов, и сражаться ей приходилась вовсе не с Голиафом Штаубе, а с законами славной Швейцарской Конфедерации.

Все началось с того, что Юрий Слепцов, Ангелинина вторая половина, заработавший в лихие перестроечные и перестрелочные годы пар тройку миллиардов, решил убраться от греха и от конкурентов подальше. Тем более, вышеобозначенные конкуренты по правилам играть не любили, а предпочитали действовать по принципу: «Нет человека — нет проблемы». Слепцов был умным и, чем данное правило ему грозило, понял сразу и без дополнительных объяснений. Поэтому и потянуло Ангелининого мужа к альпийским лугам и особенно — к приветливому швейцарскому налогообложению. Теперь за тягу к перемене мест ему приходилось расплачиваться. Остался бы в России — Ангелине пришлось бы отвоевы-

вать жалкие крохи зубами и когтями. А швейцарское, вскормленное протестантизмом, законодательство привыкло все делить по справедливости, а неверных мужей в сопровождении очередного творения глянцевого журнала строго наказывать за отклонение от освященного Создателем союза.

Ангелина, впрочем, на суде рассказывать не стала, что поженились они со Слепцовым на скорую руку: загс, пара свидетелей и вечеринка в общаге. Хочется им верить в святость брака — пусть себе верят. Да и изменяли они друг другу давно и упорно. Просто в один не очень прекрасный момент Слепцов почему-то решил, что деньги зарабатывал он один, и Ангелине они совершенно не нужны. Анжи не согласилась с подобной постановкой вопроса и тем более — с подобным решением проблемы. Слепцов сдуру решил поиграть мускулами: мол, я самый крутой, а ты — болотная козявка, молчи и радуйся, если буду отстегивать пару тысяч в месяц. Ангелина благо-разумно сделала вид, что испугалась, и Слепцова понесла косая в щавель. То есть сам подал на развод да еще зазнобу латиноамериканскую, прямиком сошедшую с рекламной обложки, повсюду стал за собой таскать. Мол, раззудись, плечо, размахнись, рука, и знай наших. Покажем «драной Европе» кузькину мать и как русские гуляют. Разгромил пару люксов в самом фешенебельном отеле Сен-Морица. Его возлюбленная парикма-

херше за плохо сделанную укладку физиономию слегка поцарапала — расстроилась, короче говоря. Потом неделикатного папарацци за волосы оттаскала. Горячая кровь, ничего не поделаешь.

Только это Ангелине и было надо. Она с горестным видом приходила на процесс в сопровождении своего единственного адвоката — мол, не до жиру. Публика прониклась сочувствием к такой достойной мадам. Слепцов продолжал буяннить и показывать всем, где раки зимуют. А Ангелина спокойно ждала, пока отлаженная, как знаменитые швейцарские часы, юридическая машина Конфедерации камня на камне не оставит от ее законного супруга. Ее расчеты оказались правильными. «Драная Европа» нотаций Слепцову читать не стала, просто-напросто оттяпала шестьдесят процентов состояния. Сорок — в пользу Ангелины, а двадцать ушло на судебные издержки и штрафы. Попутно выяснилось, что Слепцов время от времени уклонялся от уплаты налогов. Бывший Ангелинин муж ошибку понял, только было уже поздно. Поэтому без особого шума ошипанным петухом облагоразумившийся мужчина перебрался на постоянное место жительства в Люксембург и больше никому ничего не доказывал. Теперь не до жиру было уже ему.

Ангелина же была на седьмом небе от счастья. Она была свободна и, самое главное, богата, очень богата. Но в отличие от Слепцова деньгами

сорить не стала и молодого любовника не завела. Смысла в этом не видела. Женевскую квартиру с согласия мужа передали сыну с невесткой Даниэлой. У них к тому времени уже росла дочка. Бледное, невзрачное существо с роковым и загадочным именем Манон. Ангелина как себя ни ругала, но к внучке при всех усилиях привязаться не могла. Она всегда ей казалась полной копией матери, хотя, по утверждению всех окружающих, внучка больше была похожа на Валентина. Поэтому рядом с сыном и невесткой Ангелина оставаться не стала. Купила шале в Швейцарских Альпах и квартиру в Париже. Весь остальной капитал вложила в ряд солидных фондов, страховок, оставив приличные суммы для своего любимого занятия — игры на бирже. Теперь оставалась последняя проблема и, как выяснилось, не из самых простых: чем заполнить собственное новое свободное и богатое существование. Когда-то не самый глупый человек на земле Оскар Уайльд заявил, что самое высшее «искусство жизни» — это «находить соблазны». Оказалось, англичанин не преувеличивал.

Правда, вначале Ангелина подобную трудность недооценила. Она стала называть себя Анжи, переехала в Париж, завела лучшего парикмахера, личного стилиста, визажиста и стала упорно посещать светские приемы. Потом все это ей благополучно надоело, тем более, она замети-